

Научная статья

УДК 347.41

DOI: <https://doi.org/10.68333/2949-284X.2026.15.3.001>

Юридическая невозможность исполнения обязательства

Владислав Викторович Груздев,

Российская государственная академия

интеллектуальной собственности, Москва, Россия

Профессор кафедры гражданского и предпринимательского права,

доктор юридических наук, доцент

gruzvlad@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4236-8140>

Аннотация. Статья посвящена исследованию юридической невозможности исполнения как основания для прекращения обязательства. Юридическая невозможность исполнения возникает вследствие издания нормативного или ненормативного правового акта. Она всецело определяется властными предписаниями, что обуславливает специфику и самобытность данного основания динамики обязательственной связи. Рассматриваются вопросы толкования норм статьи 417 Гражданского кодекса Российской Федерации и приводятся аргументы в пользу целесообразности сохранения института юридической невозможности исполнения.

Ключевые слова: обязательство, прекращение обязательства, невозможность исполнения обязательства, юридическая невозможность прекращения обязательства.

Для цитирования: Груздев В.В. Юридическая невозможность исполнения обязательства // IP: теория и практика. – 2026. – № 3.

Original article

Legal impossibility of fulfilling the obligation

Vladislav V. Gruzdev,

Russian State Academy

of Intellectual Property, Moscow, Russia

Professor of the Department of Civil and Business Law,

Doctor of Law, docent

Abstract. The article is devoted to the study of the legal impossibility of fulfilling an obligation as a ground for terminating an obligation. Legal impossibility of fulfillment arises as a result of the issuance of a regulatory or non-regulatory legal act. It is entirely determined by authoritative orders, which determines the specificity and uniqueness of this ground for the dynamics of the obligatory relationship. The article examines the issues of interpreting the provisions of Article 417 of the Civil Code of the Russian Federation and presents arguments in favor of preserving it.

Key words: obligation; termination of an obligation; impossibility of fulfilling an obligation; legal impossibility of terminating an obligation.

For citation: Gruzdev V.V. Legal impossibility of fulfilling the obligation // IP: theory and practice. 2026. No. 3.

Введение

На динамику обязательственной связи зачастую влияют разного рода привходящие обстоятельства, зависящие или не зависящие от ее сторон. Особо ощутимы явления правового характера, которые делают невозможным исполнение обязательства полностью или в части.

В цивилистической науке высказано мнение о ненужности конструкции юридической невозможности исполнения, обоснованное отсутствием зарубежных аналогов и критикой идеи о ретроактивном восстановлении прекращенного обязательства. Всегда существует вероятность отмены правового акта, поэтому юридическая невозможность исполнения не является бесповоротной. Следует выделять «фактическую невозможность в силу юридических причин», что станет одним из аргументов в пользу того, чтобы считать излишней дифференциацию правового регулирования фактической и юридической невозможности исполнения в российском праве [1; 2; 3].

Более мягкий подход предлагают авторы, наделяющие правила ст. 417 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) характером специальных по отношению к общим положениям ст. 416 того же Кодекса [4].

Известным отголоском подобных теоретических взглядов выступает обнаруживаемая в судебной практике тактика игнорирования норм ст. 417 ГК РФ. В частности, в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11.06.2020 № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» данная статья упоминается лишь дважды – в наименовании раздела, посвященного собственно невозможности исполнения, и п. 38, содержащем интерпретационные правила о временной невозможности исполнения, вызванной действием обстоятельств непреодолимой силы.

Вместе с тем многие ученые рассматривают юридическую невозможность исполнения в качестве отдельного (самостоятельного) случая невозможности исполнения. Юридическая невозможность, в отличие от фактической, наступает в результате издания акта государственного органа или органа местного самоуправления [5].

Методы

В процессе исследования применялись методы: общенаучные (анализ, синтез, абстрагирования, логический, восхождения от абстрактного к конкретному, аналогия, индукция, дедукция), специально-юридические (формально-юридический, толкования правовых норм, структурно-функциональный).

Основное исследование

Ученому не следует забывать о неоспоримой презумпции разумности законодателя, который определенно разделяет ситуации фактической и юридической невозможности исполнения. Некая «фактическая невозможность в силу юридических причин» видится силой, способной подорвать самую архитектуру норм сопоставляемых статей ГК РФ.

Юридическая причина, в отличие от физического препятствия, находится в области идеального. Она создается предписаниями публичного органа,

который, как правило, не является участником соответствующего обязательства. Установление невозможности исполнения, наступившей вследствие юридической причины, предполагает правовую оценку властных актов на предмет их действительности и определение специальных последствий невозможности исполнения, вызванной не выдержавшими такую проверку актами. Отрицать означенную специфику юридической невозможности исполнения, значит, пытаться выдавать желаемое за действительное.

Разграничение фактической и юридической невозможности исполнения, на самом деле представляющее в некоторых случаях трудности, следует проводить исходя из следующих соображений.

Если властный (как правило, правоприменительный) акт, препятствующий исполнению обязательства, издается в ответ на неправомерные действия стороны обязательства, невозможность исполнения *предполагается* фактической, поскольку в конечном счете вызвана обстоятельством, за которое отвечает данная сторона. Акт государственного органа или органа местного самоуправления всего лишь фиксирует, оформляет в установленном порядке это обстоятельство. Указанное предположение оказывается *опровергнутым*, если акт признан недействительным, в том числе как установивший чрезмерно суровую санкцию (например, административное приостановление деятельности вместо административного штрафа). В ином случае имеет место юридическая невозможность исполнения, вызванная непосредственно властным органом.

Не должна сбивать с толку закрепленная в п. 2 ст. 417 ГК РФ фраза «обязательство не считается прекращенным». Она коррелирует с правилом п. 1 ст. 416 ГК РФ, из которого а *contrario* следует, что сторона, которая отвечает за обстоятельство, вызвавшее невозможность исполнения, принимает на себя неблагоприятные последствия прекращения обязательства, определяемые с учетом условий данного обязательства (лишь в *этом* смысле обязательство не признается прекращенным, иначе не было бы перманентной невозможности исполнения).

Как видно, специальной нормой о фактической невозможности исполнения является только п. 2 ст. 417 ГК РФ, рассчитанный на случаи, когда невозможность исполнения создана неправомерными действиями должника, повлекшими издание *законного* акта государственного органа или органа местного самоуправления. Если исполнению обязательства препятствует *незаконный* (признанный недействительным или отмененный как противоречащий закону) акт, хотя бы изданный в качестве реакции власти на неправомерные действия должника или кредитора, тогда речь идет о юридической невозможности исполнения, последствия которой определяются правилами пп. 1 и 3 ст. 417 ГК РФ. Юридическая невозможность исполнения имеет место и при издании органом публично-правового образования, участвующего в обязательстве, законного или незаконного акта, которым не фиксируются совершенные до принятия такого акта неправомерные действия стороны (в том числе, самого публично-правового образования), т.к. в этом случае соответствующий орган реализует дискреционные полномочия, а не права и обязанности субъекта гражданской отрасли.

Ошибочными являются аргументы на тему нелепости «воскрешения» прекращенного обязательства в соответствии с п. 3 ст. 417 ГК РФ. На самом деле нельзя полностью исключать того, что вызвавший юридическую невозможность исполнения акт государственного органа или органа местного самоуправления будет признан недействительным либо отменен, и исполнение обязательства станет возможным [6]. Однако наличие вероятности прекращения юридической невозможности отнюдь не означает, что такая вероятность непременно превратится в действительность. В рассматриваемом случае требуется официальная констатация утраты правовым актом его силы. Только тогда устраняется препятствие к исполнению, и юридическая невозможность исполнения *презюмируется* временной, т.е. лишенной способности прекращать обязательство. Но поскольку в течение определенного периода невозможность исполнения все же сохранялась, данная презумпция оказывается *опровергнутой*, если из существа обязательства следует, что его дальнейшее действие

утратило всякий смысл. Никакого «воскрешения» правоотношения нет, т.к. оно либо вовсе не «умирало» (если уж использовать метафоры и аллегории, то нужно говорить о «пробуждении заснувшего» обязательства), либо «умерло» окончательно.

Таким образом, понятие юридической невозможности исполнения является важным завоеванием отечественной цивилистики, отказ от которого стал бы верхом безрассудства. Однако особой разновидностью фактической невозможности является предусмотренная п. 2 ст. 417 ГК РФ ситуация, когда издание законного акта органа государственной власти или органа местного самоуправления, повлекшее невозможность исполнения обязательства, вызвано неправомерным поведением самого должника. Характер невозможности исполнения (фактическая или юридическая) определяется не местом соответствующих норм в ГК РФ (ст. 416 или 417), а сутью обусловившей ее причины.

В цивилистической науке высказано суждение, что в ст. 417 ГК РФ имеются в виду только ненормативные правовые акты, посредством которых уполномоченные органы исполняют возложенные на них законом обязанности. Нормативные акты устанавливают общие правила поведения, являющиеся предпосылкой, а не основанием движения правоотношения [7].

Данное суждение представляется ошибочным как основанное на смешении понятий «действие права» и «конкретизация права».

То, что ненормативный акт представляет собой юридический факт, а нормативный – нет, совершенно irrelevantно в аспекте рассматриваемой невозможности исполнения. Разница обнаруживается лишь в круге охватываемых правовыми актами обязательств: если ненормативный акт препятствует исполнению *отдельных* обязательств, на которые распространяется его сила (конкретизирует право ненормативный правовой акт), то нормативный акт делает невозможным исполнение *всех* обязательств, подпадающих под действие правил поведения общего характера (конкретизирует право само наличие обязательства). Не случайно практике имущественного оборота знакомо огромное число примеров, когда невозможность исполнения наступает в результате

издания нормативных правовых актов, тем или иным образом препятствующих реализации обязательственных связей (изъятие из оборота вещей; принятие запретительных мер ввиду террористических, стихийных, экологических и иных опасностей; введение эмбарго, импортных или экспортных, санитарных ограничений, законодательных запретов на осуществление той или иной деятельности; ограничение ввоза в страну сельскохозяйственной продукции животного происхождения с целью недопущения распространения болезни при эпизоотии и др.).

Следовательно, как основание прекращения обязательства выступает не правовой акт, а возникшее в результате его издания непреодолимое препятствие к исполнению. Невозможность исполнения обязательства – это самостоятельный юридический факт, который является следствием разнообразных обстоятельств, в том числе вступления в силу ненормативного или нормативного правового акта (юридическая невозможность исполнения). Сделанные выводы подтверждаются и соображениями формального толка: в п. 1 ст. 417 ГК РФ содержится отсылка к ст. 13 ГК РФ, упоминающей как о ненормативных, так и нормативных актах.

Кроме того, к правовым актам, в результате издания которых становится невозможным исполнение обязательств, разумно относить не только акты собственно органов государственной власти или местного самоуправления, но и наделенных соответствующими полномочиями должностных лиц указанных органов (например, судебного пристава-исполнителя), что вытекает из системного толкования положений ст. 12, 13, п. 1 ст. 417, ст. 1069 и 1070 ГК РФ.

Юридическая невозможность прекращает или изменяет («прекращает в части») обязательственное правоотношение. При этом риски распределяются с учетом того, что *субъективной* признается юридическая невозможность, возникшая вследствие издания незаконного акта, за который отвечает публично-правовое образование; в остальных случаях юридическая невозможность является *объективной* и никому не вменяется (в том числе публично-правовому образованию, орган или должностное лицо которого издали акт).

Независимо от того, о какой юридической невозможности исполнения идет речь (объективной или субъективной), риск *неполучения имущественного предоставления* распределяется между сторонами с учетом следующих соображений: 1) в отсутствие специальных норм рискует в одностороннем обязательстве кредитор, который не получает причитающегося ему от должника имущественного предоставления, а в синаллагматическом обязательстве – должник, который обязан был совершить ставшее невозможным имущественное предоставление; 2) сторона обязана возместить другой стороне имущественные потери, когда это вытекает из предусмотренного ст. 406.1 ГК РФ соглашения. Однако при субъективной невозможности исполнения *риск неблагоприятных последствий* перекладывается на публично-правовое образование, которое отвечает за изданный его органом или должностным лицом незаконный акт, а именно: сторонам возмещаются убытки (включая суммы неполученного соответствующей стороной имущественного предоставления и (или) возмещенных ею имущественных потерь), которые причинены нежелательной динамикой обязательства.

Принимая во внимание изложенное, нельзя согласиться с тем, что юридическая невозможность возникает в связи с изданием обязательных к исполнению актов наднациональных объединений, юрисдикция которых признается в российском праве [1], или даже актов органов власти иностранного государства, делающих невозможным для контрагента-нерезидента исполнение обязательства по законодательству своей страны [8]. В подобных случаях вменение неблагоприятных последствий движения обязательственной связи наделенному полномочиями субъекту исключается, что делает бессмысленным реализацию правил п. 1 и 3 ст. 417 ГК РФ. Юридическая невозможность исполнения будет наблюдаться лишь в ситуации, когда к отношениям сторон подлежит применению право страны, которое содержит нормы, аналогичные указанным отечественным правилам. Иначе в свете положений ст. 416 и п. 2 ст. 417 ГК РФ должен обсуждаться вопрос о фактической невозможности исполнения.

Нередко при юридической невозможности исполнения фактическая возможность исполнения сохраняется. Несмотря на это, обязательство по общему правилу должно признаваться прекращенным или измененным.

В силу абз. 13 ст. 12 ГК РФ одним из способов защиты гражданских прав является неприменение судом акта государственного органа или органа местного самоуправления, противоречащего закону. По смыслу данной нормы противоречащий закону акт государственного органа или органа местного самоуправления независимо от признания этого акта недействительным не применяется *только* судом при рассмотрении споров, связанных с защитой гражданских прав (п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

Следовательно, даже при очевидном противоречии закону акта, создающего постоянную юридическую невозможность исполнения, обязательство прекращается, поскольку от должника, лишенного права давать компетентную правовую оценку такому акту, нельзя требовать совершения действий вопреки властным предписаниям. Однако если изданию акта способствовало неправомерное поведение стороны (в частности, при коррупции), обязательство не прекращается при сохранении фактической возможности исполнения или прекращается фактической невозможностью исполнения, вызванной обстоятельством, за которое отвечает данная сторона.

Юридическая невозможность исполнения отпадает лишь после признания недействительным либо отмены в *установленном* порядке акта государственной власти или органа местного самоуправления (п. 3 ст. 417 ГК РФ). И если обязательство *не признается* прекращенным ввиду недействительности или отмены соответствующего акта как противоречащего законодательству, то с публично-правового образования в пользу сторон взыскиваются лишь те убытки, которые причинены временной невозможностью исполнения. Когда акт же отменен по иным основаниям, убытки взысканию не подлежат вовсе.

Рассуждения на тему «воскрешения» или заменяющей его «фикции не-прекращения» [9; 10] обязательства совершенно неуместны, поскольку в п. 3 ст. 417 ГК РФ речь идет о выявлении временного или окончательного характера юридической невозможности исполнения, которая наступила в результате издания акта, утратившего через некоторое время силу. Для этого вводится презумпция временной невозможности исполнения. Указанная презумпция оказывается опровергнутой, если из существа обязательства следует, что исполнение исходя из условий и цели обязательства явно утратило для сторон всякий смысл. В этом случае юридическая невозможность исполнения считается постоянной и прекратившей обязательство в момент ее наступления (издания акта органа государственной власти или органа местного самоуправления).

Кроме того, несмотря на не опровергнутую презумпцию временной юридической невозможности исполнения стороны вправе своим соглашением прекратить обязательство с любой даты, в том числе ретроспективно – с момента наступления такой невозможности. В аналогичной ситуации кредитор вправе отказаться в разумный срок от обязательства, но только при просрочке исполнения или очевидной невозможности своевременного исполнения, причем обязательство считается прекращенным с момента получения должником соответствующего уведомления кредитора. При отсутствии указанных соглашения сторон и отказа кредитора обязательство сохраняется.

Во всех случаях, когда обязательство в соответствии с п. 3 ст. 417 ГК РФ не признается прекращенным, требуется определить последствия временной юридической невозможности исполнения.

Признание недействительным или отмена как противоречащего законодательству акта до наступления срока исполнения обязательства наделяет стороны правом требовать от соответствующего публично-правового образования возмещения убытков, причиненных временной невозможностью исполнения в период между изданием акта и утраты им силы.

В случае признания недействительным или отмены как противоречащего законодательству акта после наступления срока исполнения обязательства обе стороны вправе требовать от соответствующего публично-правового образования возмещения убытков, причиненных юридической невозможностью исполнения в период между изданием акта и наступлением срока исполнения обязательства (если акт издан до наступления срока исполнения обязательства), а также убытков, причиненных просрочкой исполнения в период между наступлением срока исполнения обязательства и утратой актом силы (если акт издан до наступления срока исполнения обязательства) или в период между изданием акта и утратой им силы (если акт издан после наступления срока исполнения обязательства).

Специфична ситуация, когда публично-правовое образование является стороной обязательства и одновременно отвечает за орган, который издал акт, вызвавший временную невозможность исполнения данного обязательства. В этой ситуации потерпевшая сторона имеет право на возмещение публично-правовым образованием убытков, причиненных как юридической невозможностью исполнения, так и просрочкой исполнения.

В остальных случаях сторона освобождается по основаниям, предусмотренным законом (ст. 401, 405, 406 ГК РФ) либо договором, от возмещения убытков или уплаты другой стороне неустойки и иных санкций, связанных с просрочкой исполнения, имевшей место в период действия акта. Течение срока исковой давности по требованиям сторон друг к другу логично определять по аналогии закона применительно к подп. 1 и 3 п. 1 ст. 202 ГК РФ. В частности, вследствие издания акта, создающего временную невозможность исполнения, уже имеющееся у кредитора право на иск утрачивается на период действия акта, а право на иск, которое должно возникнуть в период действия акта, возникает после утраты им силы. Поэтому начавшийся до издания акта срок исковой давности по «созревшим» требованиям приостанавливается на весь период рассматриваемой невозможности исполнения, а по «созревающим» в данный период требованиям начинает течь со дня утраты актом силы.

Заключение

Принципиально важное в аспекте правоприменительной деятельности деление невозможности исполнения обязательства на фактическую и юридическую является важным завоеванием отечественной цивилистики. Отказ от данного деления означал бы необъяснимый разумными соображениями откат в прошлое, существенно снижающий достигнутый уровень гражданско-правового регулирования соответствующих отношений. Вместо проявления со ссылками на отсутствие зарубежных аналогов нигилизма к российскому законодательству целесообразно детально исследовать данный институт в целях дальнейшего совершенствования всех видов юридической практики.

Список источников

1. Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А.Г. Карапетов. – Москва, 2022. 1126 с.
2. Григорьев В.И. Постоянная (перманентная) юридическая невозможность исполнения в российском праве / В.И. Григорьев // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2024. – № 2. – С. 61–101.
3. Григорьев В.И. Временная юридическая невозможность в российской судебной практике / В.И. Григорьев // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2024. – № 3. – С. 56–98.
4. Эрделевский А.М. Прекращение обязательств невозможностью исполнения / А.М. Эрделевский // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2007. – № 8. – С. 52–53.
5. Андреев В.К. Предпринимательское законодательство России: научные очерки / В.К. Андреев. – Москва: Статут, 2008. – 366 с.
6. Бациев В.В. Практический комментарий отдельных положений главы 26 ГК РФ о прекращении обязательств (за исключением положений о зачете) / В.В. Бациев // Арбитражные споры. – 2007. – № 4. – С. 113–138.
7. Егорова М.А. Правовая природа основания прекращения обязательств / М.А. Егорова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2010. – № 12. – С. 3–13.

8. Аксенов А.Г. Правовое регулирование международных коммерческих контрактов в условиях экономических санкций / А.Г. Аксенов // Вестник арбитражной практики. – 2020. – № 5. – С. 86–100.

9. Кулаков В.В. Обязательственное право: учебное пособие / В.В. Кулаков. – Москва: РГУП, 2016. – 188 с.

10. Громов С.А. Восстановление обязательств; Свобода договора: сборник статей / С.А. Громов / Отв. ред. М.А. Рожкова. – Москва: Статут, 2016. – С. 397–418.

References

1. *Ispolnenie i prekrashchenie obyazatel'stva: kommentarii k stat'yam 307-328 i 407-419 Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii = Fulfillment and termination of obligations: commentary to Articles 307–328 and 407–419 of the Civil Code of the Russian Federation* / A.G. Karapetov (ed.). Moscow, 2022. 1126 p. (in Russ.).

2. Grigor'ev V.I. Permanent (permanent) legal impossibility of execution in Russian law. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii = Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2024. No. 2. Pp. 61–101 (in Russ.).

3. Grigor'ev V.I. Temporary legal impossibility in Russian judicial practice. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii = Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2024. No. 3. Pp. 56–98 (in Russ.).

4. Ehrdelevskii A.M. Termination of obligations by impossibility of fulfillment. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2007. No. 8. Pp. 51–54 (in Russ.).

5. Andreev V.K. *Predprinimatel'skoe zakonodatel'stvo: Nauchnye ocherki = Russia Entrepreneurial Legislation of Russia: Scientific Essays*. Moscow, 2008. 366 p. (in Russ.).

6. Batsiev V.V. Practical Commentary on Certain Provisions of Chapter 26 of the Civil Code of the Russian Federation on the Termination of Obligations (with the Exception of Provisions on Set-Off). *Arbitrazhnye spory = Arbitration Disputes*. 2007. No. 4. Pp. 113–138 (in Russ.).

7. Egorova M.A. The legal nature of the grounds for termination of obligations. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2010. No. 12. Pp. 3–13 (in Russ.).

8. Aksenov A.G. Legal Regulation of International Commercial Contracts in the Context of Economic Sanctions. *Vestnik arbitrazhnoj praktiki = Bulletin of arbitration practice*. 2020. No. 5. Pp. 86–100 (in Russ.).

9. Kulakov V.V. *Obyazatel'stvennoe pravo = Law of obligations: a textbook*. Moscow, 2016. 188 p. (in Russ.).

10. Gromov S.A. *Vosstanovlenie obyazatel'stv = Restoration of obligations*; Freedom of contract: collection of articles / M.A. Rozhkova (ed.). Moscow, 2016. Pp. 397–418 (in Russ.).

Статья поступила 02.09.2026, принята к публикации: 07.09.2026.

© Груздев В.В., 2026